

Шэн Синъюань вместе с командиром роты У Тао во весь опор мчались в военный госпиталь округа.

У центральных ворот их уже поджидал Лу Ливэнь. Едва заметив приближающуюся машину, он тут же махнул рукой и повёл их по лабиринтам больничных коридоров напрямик к палате.

— Ну как он? — с тревогой в голосе спросил У Тао.

— Трещина в кости. Жить будет, ничего страшного, — Лу Ливэнь ободряюще улыбнулся.

Шэн Синъюаня наконец перестало лихорадочно трясти. Пока они добирались сюда, в его голове теснились самые жуткие мысли. Он понятия не имел, насколько серьёзно пострадал Хань Жуй и что вообще произошло. Синъюань без конца твердил себе, что должен держаться молодцом, быть сильным, но в итоге у него так подкосились колени, что он едва смог забраться в кабину.

«Мать твою, а ну соберись и встань смирно!» — рявкнул тогда на него У Тао.

Синъюань глубоко вздохнул, заставил себя взять в руки и последовал за командиром. Вообще-то бойцу его призыва отлучаться из расположения строжайше запрещалось, но перед его отчаянными мольбами У Тао устоять не смог и в порядке исключения закрыл на это глаза.

В палате их взору предстал Хань Жуй. Его левая нога уже красовалась в плотном белом гипсе. Сам раненый, отчаянно стиснув зубы и сдерживая стон, терпеливо ждал, пока медсестра закончит обрабатывать глубокие ссадины на его руках.

— Как тебя так угораздило? — искренне запереживал У Тао. — Мне доложили, будто на соревнованиях стряслось какое-то ЧП.

Лоб Хань Жуя покрывали крупные капли холодного пота. Он вымученно, слабо улыбнулся.

Видя, что другу тяжело говорить, Лу Ливэнь поспешил вмешаться:

— Они отрабатывали штурм отвесной кручи. Один из парней дивизии D сорвался со страховочного каната. Хань Жуй рванулся на перехват, поймал его, но самого так швырнуло на скалы, что он намертво застрял между валунами.

— Но обошлось ведь? — У Тао хмуро кивнул на загипсованную ногу.

— Доктор уверяет, что за месяц кости срастутся, — ответил Лу Ливэнь. — Считай, в рубашке родился.

Услышав это, Хань Жуй расправил плечи, всем своим видом показывая, что он полон сил и унывать не собирается.

Едва медсестра скрылась за дверью, Шэн Синъюань пулей подлетел к койке и опустился на край.

— Ну как ты? Сильно болит? — вырвалось у него.

Он потянулся к ладони друга, но Хань Жуй осторожно высвободил пальцы и выразительно повёл глазами в сторону командира роты.

Синъюань смущённо потёр переносицу и сразу принял благопристойную, уставную позу.

— Раз уж Синъюань притащился следом, пускай остаётся в палате дежурить, — рассудил У Тао. — А тебе, помощник командира Лу, пора возвращаться в распоряжение. И так набегался, натерпелся. Отдохни.

Не дав Лу Ливэню вставить и слова, Синъюань с готовностью затараторил:

— Да-да, помощник командира Лу, вы же с ног валитесь от усталости! А в госпитале я за всем пригляжу, всё сделаю в лучшем виде!

— Справишься хоть, санитар? — беззлобно поддразнил его Ливэнь.

Синъюань мгновенно вскочил, вытянулся во фрунт и с чётким щелчком приложил ладонь к виску:

— Так точно! Разрешите исполнять? Ошибок не будет!

Время тянулось невыносимо медленно, но наконец У Тао и Лу Ливэнь ушли.

Проводив их взглядом до поворота, Шэн Синъюань пулей захлопнул дверь, щёлкнул задвижкой замка и в одно мгновение оказался у постели раненого.

— Господи, как же я скучал! — выдохнул он, отчаянно сгребая любимого в охапку.

В ухо ему тут же прилетело приглушённое, болезненное шипение.

Синъюань испуганно отпрянул. Прежде невозмутимый Хань-е, только что строивший из себя нестигаемого героя, теперь сидел зажмурившись, а его лицо исказилось от боли.

— Чёрт, сильно больно? Прости, прости меня, дурака!

— А кто тебе разрешал отпускать? — сквозь зубы прохрипел Хань Жуй, сердито сдвинув брови.

— Да тебе же больно! — Синъюань с нежностью и тревогой вытирал выступивший у того на лбу пот.

— Всё равно держи!

Хань Жуй сидел с обнажённым торсом, усыпанным ссадинами и тёмными кровоподтёками. Синъюань бережно, стараясь не задевать самые израненные места, обнял его — осторожно, словно хрупкого ребёнка.

Они замерли, прижавшись друг к другу, и долго-долго молчали, слушая стук сердец.

— Эй, — наконец нарушил тишину Хань Жуй, в своей привычной властной манере приподняв подбородок. — Скучал по мне?

— Ещё спрашиваешь, — Синъюань легонько щёлкнул его по носу и вздохнул. — Тоска по тебе — это ещё полбеды. Но когда мне сказали, что ты сорвался... я чуть с ума не сошёл от страха.

— Ну видишь же, живой я, — Хань Жуй виновато отвёл взгляд.

— Живой он! — Синъюань едва сдержал непреодолимое желание хорошенько встряхнуть упряма. Вместо этого он указал на загипсованную ногу и сердито проворчал: — Слава богу, страховочный трос выдержал, иначе лететь бы тебе на тот свет!

Хань Жуй лишь виновато и глуповато усмехнулся.

— И смешно тебе? А кто обещал беречь каждую волосинку на голове, а?

— Ну и что ты теперь со мной сделаешь? — Хань Жуй развёл руками, неприкрыто пользуясь своим положением раненого.

Синъюань с силой запечатлел поцелуй на его губах и сокрушённо выдохнул:

— Сейчас я с тобой ничего сделать не могу. Но погоди, вот окрепнешь — будешь отрабатывать долг натурой!

— Ах ты эксплуататор недоделанный! — возмутился Хань Жуй. — Решил меня в кабалу угнать?

— А ты против получить пожизненное рабство у такого любящего хозяина?

— Это что, сценарий из дешёвой драмы про злого помещика и крестьянку? — Хань Жуй иронично вскинул бровь.

— Крестьянку? — Синъюань ухватил его за подбородок и лукаво прищурился. — Если ты способен родить, я с радостью готов примерить роль мамочки.

— Сам ты, мать твою, несись! Я тебе не курица-несушка! — лицо Хань Жуя вспыхнуло пунцовым румянцем.

— Эх, умей я нести яйца, высидел бы для тебя самое лучшее! — с совершенно серьёзным лицом парировал Синъюань.

Хань Жуй поперхнулся. Поняв, что по части бесстыдства и краснбайства ему с этим наглецом не тягаться, он предпочёл капитулировать.

Пока они тихонько подшучивали друг над другом, в дверь требовательно постучали.

Синъюань озадаченно переглянулся с Хань Жуем.

— Кто там?

— Да кто заперся-то? Отоприте немедленно! — раздался строгий женский голос.

Синъюань бережно устроил Хань Жуя на подушках, спрыгнул с кровати и пошёл открывать.

На пороге стояла недовольная медсестра.

— Что за мода — запирается средь бела дня? — проворчала она и сделала знак санитарам, катившим за ней больничную каталку.

Синъюань густо покраснел, чувствуя себя так, словно его поймали на горячем, и торопливо соврал:

— Э-э... да тут такое дело... Друг у меня стеснительный очень. В утку сходить захотел, вот и заперлись.

— Ишь какие неженки, взрослый парень, а стесняется! — фыркнула медсестра. — В сторону отойдите.

Синъюань вернулся к Хань Жую и весело подмигнул ему. Тот, пряча смущение, натянул простыню повыше, до самого подбородка.

Тем временем санитары перекладывали на свободную койку нового пациента. Тот находился в глубоком забытии, а его нога, точь-в-точь как у Хань Жуя, была закована в тяжёлый слой гипса.

Синъюань молча наблюдал за суетой медперсонала. Хань Жуй тоже с любопытством вытягивал шею. Когда санитары наконец закончили и покинули палату, лицо соседа открылось. Хань Жуй удивлённо охнул.

— Что такое? — Синъюань сел обратно на край его койки и понизил голос.

— Похоже... это тот самый парень, которого я вытащил.

Синъюань принялся пристально разглядывать соседа. Даже во сне лицо незнакомца казалось благородным и на удивление красивым. В груди Синъюаня шевельнулся укол ревности.

— Ну, спас и спас, делов-то. Всё, хватит на него пялиться.

Хань Жуй озадаченно уставился на него:

— Ты чего взъелся? С дуба рухнул?

— Вовсе нет, — Синъюань осторожно повернул его лицо к себе и заворчал: — Я думал, ты тут один лежать будешь. Какого чёрта к тебе кого-то подселили?

— Ты думаешь, этот госпиталь принадлежит моей семье? — Хань Жуй покачал головой, не зная, смеяться ему или плакать. — Вообще-то, это военный госпиталь округа. С моими ранениями меня сюда и близко не должны были везти. Сам гадаю, чьё покровительство сработало.

— Твой младший дядя подсобил? — Синъюань покосился на спящего соседа и зашептал на ухо другу.

— Вряд ли, — Хань Жуй качнул головой. — На учениях я его не видел. Думаю, он даже не в курсе, что я в госпитале.

Он старался говорить ровно, но в его голосе проскользнула едва заметная тоска. Синъюань

ласково приобнял его за плечи, стараясь согреть и утешить.

— Перестань, сосед же рядом, — Хань Жуй попытался отстраниться, чувствуя себя неловко.

— Ой, да ладно тебе. Кто тут только что вис на мне и не отпускал? — поддразнил его Синъюань.

Хань Жуй густо покраснел и со всей силы ущипнул его за бок.

Синъюань шутливо взвыл и зашипел от боли, но про себя порадовался — к любимому вернулось его прежнее боевое настроение.

— Эх, как же я жалею! — картинно вздохнул Синъюань.

Хань Жуй удивлённо поднял на него глаза.

Пользуясь моментом, Синъюань молниеносно прильнул к его губам, звонко поцеловав, и тут же перехватил кулак, которым Хань Жуй замахнулся для удара.

— Надо было, пока дверь была закрыта, хорошенько отмыть твой рот от всяких грубостей!

— Слышь, придурок, я сегодня вообще не матерился! — взвился Хань Жуй, алея ушами.

— Ну и ладно. Мне просто очень хотелось тебя поцеловать... — капризным тоном протянул Синъюань, поглаживая его пальцы.

Хань Жуй попытался вырвать руку, но хватка у Синъюаня была железная.

— Бесстыдник! — только и смог выплюнуть он.

— Исключительно ради тебя одного! — Синъюань запечатлел быстрый поцелуй на его ладони и с весёлой улыбкой отправился раскладывать принесённые вещи.

Оставшись один, Хань Жуй ещё долго сидел, глядя перед собой, пока на его губах наконец не расцвела мягкая, тёплая улыбка.

Ближе к вечеру сосед по палате начал приходить в себя. Как раз в этот момент Шэн Синъюань вовсю пытался накормить Хань Жуя ужином.

— Отдай ложку! — Хань Жуй стоически сопротивлялся настойчивой заботе и наотрез отказывался принимать пищу из чужих рук.

— Но ты же ранен! — Синъюань зачерпнул полную ложку риса и упрямо поднёс к его губам. — Ну же, открой ротик, скажи «а-а»...

— Какое ещё «а-а»! У меня нога сломана, а не руки!

— Посмотри на свои плечи и локти. Ты хоть пошевелить ими можешь? — Синъюань выразительно указал на белые бинты.

— Это всего лишь царапины, — вздохнул Хань Жуй. — Неужели ты думаешь, что я расклеюсь из-за такой ерунды?

— Я тут из кожи вон лезу, ухаживаю за ним, а он ещё и нос воротит!

— Одно дело ухаживать, а другое — держать меня за несмышлёныша!

— Но для меня ты всегда... — Синъюань не успел договорить, потому что Хань Жуй внезапно и очень громко закашлялся.

Синъюань запоздало проследил за его предостерегающим взглядом и обнаружил, что их сосед на соседней койке тихонько постанывает сквозь сон.

— Ой, ты как? — Синъюань тут же отставил термос с едой и подошёл к чужой постели.

Потревоженный парень медленно, с трудом разомкнул веки. Его взгляд был мутным и блуждающим.

— Очнулся? — приветливо улыбнулся Синъюань. — Как себя чувствуешь? Позвать врача?

Незнакомец с трудом сфокусировал на нём взгляд, окинул его вялым взором и снова закрыл глаза.

Синъюань недоуменно повернулся к Хань Жую. Тот лишь пожал плечами:

— Может, наркоз ещё не до конца отпустил?

— Пожалуй, всё-таки позову дежурного доктора, пусть глянет, — решил Синъюань и поспешил в коридор.

Хань Жуй остался в палате один и попытался продолжить прерванную трапезу.

С соседней койки снова донеслось тихое кряхтение.

— Раз уж проснулся, открывай глаза. Неужто так сильно приложило? — ворчливо бросил Хань Жуй. Ободранные локти давали о себе знать при каждом движении, из-за чего орудовать ложкой было то ещё мучение, и характер у парня ожидаемо подпортился.

— Бывало и хуже, — хрипло отозвался сосед. Собрав силы, он повернул голову, уставился на Хань Жуя и вдруг удивлённо приподнял брови: — Ох...

— Чего смотришь? — Хань Жуй замер с ложкой у рта.

— Это ты?! — в глазах незнакомца вспыхнуло узнавание.

Хань Жуй понимающе кивнул. Было ясно, что тот вспомнил жуткие мгновения на краю обрыва.

— Всё уже позади. Мы в безопасности, так что лежи смирно и поправляйся.

— Я даже спасибо тебе сказать не успел, — парень попытался выжать слабую благодарную улыбку.

— Ладно тебе, сочтёмся, — Хань Жуй снова принялся за ужин, небрежно бросив: — В наше время за спасение жизни принято отдавать руку и сердце. Ну или прыгать в объятия спасителя.

Он брякнул это просто ради шутки, но сосед вдруг негромко усмехнулся:

— А что, отличная мысль.

Хань Жуй лишь хмыкнул и не придавал его словам никакого значения.

Вскоре Синъюань вернулся вместе с дежурным врачом.

Пока вокруг соседа суетились медики, Синъюань, которому нечем было заняться, скромно примостился у постели Хань Жуя.

— Ешь давай, остынет, — Хань Жуй тихонько постучал ногтем по пластиковому контейнеру.

Синъюань покосился на толпу у соседней койки и прошептал:

— Давай подождём, пока они закончат...

— Говорю же, остынет всё.

— Ну, сейчас лето, холодное даже вкуснее...

— Будешь жрать или нет? — лицо Хань Жуя угрожающе потемнело.

Синъюань не стал искушать судьбу, послушно зачерпнул огромную порцию риса и запихнул в рот, демонстрируя полное повиновение.

Пока они вполголоса препирались, дверь палаты в очередной раз распахнулась.

Хань Жуй бросил случайный взгляд на вошедшего и мгновенно оцепенел.

Синъюань из любопытства тоже повернул голову — и чуть не подавился непрожёванным ужином.

Генерал-майор! Настоящий, живой генерал!

Друзья испуганно переглянулись. Хань Жуй физически не мог подняться с постели, а Синъюань мгновенно отшвырнул контейнер с едой, вскочил и вытянулся по стойке «смирно».

Однако высокий гость даже не посмотрел в их сторону. Весь его встревоженный, исполненный глубокой заботы взор был устремлён исключительно на раненого соседа.

— Товарищ заместитель командующего! — выпрямился дежурный врач, мгновенно узнав вошедшего генерала.

— Как его состояние? — спросил Ло Юнчуань, подходя к койке и ласково, чисто по-отцовски, взъерошив волосы на макушке сына. — Что же ты мне ничего не сообщил, паршивец?

— Отец... — Ло Юй явно смутился под прицелом столь пристального внимания.

— Ах ты щегол! — Ло Юнчуань грозно насупил и картинно запыхтел от возмущения. — Сорвался в ущелье, чуть шею себе не свернул, а отцу доложить забыл?

— Да я просто не хотел вас тревожить по пустякам... — попытался оправдаться Ло Юй.

— По пустякам?! Ногу в щепки разнёс — и это пустяки?! Ты что, специально нарываешься, чтобы я перевёл тебя служить в штаб округа, под мой личный присмотр?

— О нет, только не это... — у парня от одной мысли об этом выступил холодный пот.

— Если бы твоя мать узнала, в каком ты виде... — не успел Ло Юнчуань закончить фразу, как сын испуганно его перебил:

— Папа! Ради всего святого, маме ни слова!

— Тогда лежи смирно и лечись как положено! И попробуй только ещё хоть раз утаить от меня что-то — шкуру спущу!

— Да понял я, понял, — обречённо вздохнул Ло Юй.

— Знаю я твоё «понял». Вечно отмахиваешься! Посмотри на себя — лежишь тут совсем один, даже стакан воды подать некому, — недовольно проворчал Ло Юнчуань. — Оставлю-ка я с тобой Сяо Цзяня, пусть поухаживает.

— Завтра из роты ребята приедут.

— Не доверяю я твоим оболтусам.

— Но пап, не надо оставлять мне своего ординарца! Что за глупости? — запротестовал Ло Юй.

— Вот приедут твои сослуживцы, тогда и посмотрим! У парня кости переломаны, а его командование до сих пор никого не прислало дежурить. Возмутительно! — Заместитель командующего с силой хлопнул ладонью по тумбочке.

Ло Юй сокрушённо покачал головой:

— Пап, ну вы же сами знаете, где дислоцируется наша рота. Сюда за пару часов не доберёшься. К тому же я в полном порядке, живой ведь.

Генерал Ло продолжал хмуриться, но спорить со своим любимым чадом сил у него уже не осталось.

— К слову, отец, я ведь даже не представил тебе моего спасителя! — Ло Юй указал рукой в сторону Хань Жуя.

Хань Жуй и Шэн Синъюань, до этого с нескрываемым любопытством наблюдавшие за семейной

сценой, никак не ожидали, что внимание присутствующих мгновенно переключится на них.

— Слушай, а как тебя зовут-то? — Ло Юй тепло и открыто посмотрел на своего соседа.

Хань Жуй вежливо, немного смущённо улыбнулся:

— Меня зовут Хань Жуй.

— А я Ло Юй, — парень широко улыбнулся. — Если бы не твоя реакция на скалах, лежать бы мне сейчас на дне пропасти героем посмертно. Век не забуду!

— Ерунда, все мы солдаты, на моём месте каждый поступил бы так же, — покачал головой Хань Жуй.

Ло Юнчуань внимательно, оценивающим взглядом окинул Хань Жуя и одобрительно кивнул:

— Молодец, боец! Достойный поступок. Из какой ты части?

— Докладывает рядовой Хань Жуй! Дивизия Т, триста второй полк, третья рота, первое отделение! — Перед лицом целого генерала Хань Жуй непроизвольно вытянулся по струнке, насколько позволяло положение лёжа.

— Вольно, сынок, — по-доброму усмехнулся Ло Юнчуань. — Расслабься. Сейчас я здесь не как командир, а просто как отец этого непутёвого сорванца.

Ло Юй картинно закатил глаза.

Глядя на эти тёплые, искренние отношения между отцом и сыном, Хань Жуй невольно вспомнил собственную семью, и его взгляд заметно потускнел.

Шэн Синъюань мгновенно уловил эту перемену в его настроении. Присутствие посторонних не позволяло ему подойти и обнять любимого, поэтому он лишь послал ему самый нежный, подбадривающий взгляд, на какой только был способен.

Поймав этот полный заботы взор, Хань Жуй почувствовал, как щемящая пустота в груди отступает, уступая место тихому теплу.

— Парень, семья Ло умеет помнить добро. Если тебе когда-нибудь понадобится... — начал было Ло Юнчуань, но Ло Юй бесцеремонно оборвал отца на полуслове:

— Папа! Ну прекрати сыпать своими штабными формулировками!

— И вовсе это не формулировки, — искренне возмутился генерал. — Я выражаю чистую человеческую благодарность!

— Ладно, ладно, — отмахнулся Ло Юй. — Это моё дело, и я сам найду способ отблагодарить своего спасителя.

— Да что ты, мелкий лейтенант, можешь ему предложить?

— Как это что? — Ло Юй лукаво покосился на Хань Жуя и с неподдельным кокетством выдал:

— Я ведь уже пообещал ему отдать свою руку и сердце!

<http://bllate.org/book/18240/1765413>